

Фридрих Август Мюллер

**История ислама с основания
до новейших времен**

Том I

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Фридрих Август Мюллер

История ислама с основания до новейших времен: Том I / Фридрих Август Мюллер – М.: Книга по Требованию, 2011. – 386 с.

ISBN 978-5-458-05032-6

Классический фундаментальный труд немецкого ученого, посвященный политической истории исламского мира, был необычайно популярен в конце XIX- начале XX в.в. По богатству материала и широте охвата стран и событий «История ислама» остается важным историографическим источником и в настоящее время.

ISBN 978-5-458-05032-6

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

только отмѣчать случайные, отдѣльные промахи—недочеты, неизбежные при всякой человѣческой работѣ. Всякій, кто знакомъ съ положеніемъ арабской филологіи, всякій, кто знаетъ, какъ часто приходится намъ опираться на совершенно необработанные и, такъ сказать, сырые тексты, другими словами, строить прямо на песокъ, вполне оцѣнить заслугу А. Мюллера. Если-бы ему удалось такимъ-же образомъ издать еще ал-Кифтія и Са'ида Толедскаго, то мы для одной по крайней мѣрѣ области исторіи арабской цивилизаціи получили бы твердый фундаментъ, на которомъ можно было бы продолжать строить безъ опасенія катастрофы.

Къ сожалѣнію А. Мюллеръ, частью вслѣдствіе разныхъ чисто внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, частью вслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ, равно какъ и свойственной ему всегдашней готовности жертвовать своими интересами на пользу другимъ, былъ нѣсколько отвлеченъ отъ этой специальной задачи. Въ 1881 году онъ принялъ предложеніе составить для извѣстной исторической серіи Онкена «Исторію Ислама на Востокъ и Западъ», которая была окончена имъ въ 1887 *). Приступая къ этому труду, Мюллеръ нисколько не увлекался несбыточными мечтами о возможности вполне научнаго изложенія исторіи ислама въ столь короткій срокъ, при нынѣшнемъ состояніи науки, и въ тѣхъ рамкахъ, которыя ему были поставлены условіями всего изданія. Онъ весьма ясно понялъ и опредѣлил свою задачу въ предисловіи къ первому тому: «Ich will ein Handbuch darbieten, welches den augenblicklichen Stand der Forschung möglichst zuverlässig zu einem hoffentlich lesbaren Ausdruck bringt; auch damit werde ich, wenn es gelingt, nichts Ueberflüssiges gethan haben».

Мнѣ кажется, что всякій неспециалистъ, читавшій «Исламъ», согласится, что эта книга написана съ большимъ талантомъ и весьма «lesbar», а всякій специалистъ скажетъ, что въ ней сдѣлано все, что только возможно было, чтобы представить читателю вѣрную картину достигнутыхъ до сихъ поръ наукой результатовъ. Если не всё періоды освѣщены одинаково, не всё стороны исторической жизни мусульманскихъ народовъ выяснены равномерно, то виновать тутъ не авторъ, а настоящее положеніе науки. Вообще-же говоря, «Исламъ» А. Мюллера является не только не «лишнимъ», но даже въ высшей степени полезнымъ произведеніемъ и я не знаю ни одного другого сочиненія, которое давало бы столь ясный связанный и осмысленный общій обзоръ преимущественно *внѣшней* исторіи мусульманскаго міра, не говоря уже о томъ, что и во многихъ частныхъ вопросахъ

*) Der Islam im Morgen- und Abendland. Berlin. 1886—87,

оно даетъ вѣскія и цѣнные указанія и разъясненія, свидѣтельствующія какъ о добросовѣстности, съ которой авторъ всюду пробѣрялъ своихъ предшественниковъ по доступнымъ ему источникамъ, такъ и объ самостоятельности его взглядовъ.

Легко понять, какъ много пользы такая работа должна была принести самому автору, какое ясное представленіе онъ долженъ былъ получить между прочимъ о важнѣйшихъ пробѣлахъ въ нашихъ знаніяхъ. Изъ его писемъ дѣйствительно выходитъ, что онъ носился съ планомъ не одной исторической монографіи. При его глубокомъ знаніи языка и созрѣвшемъ историческомъ талантѣ эти монографіи несомнѣнно вышли бы образцовыми.

Рядомъ съ этими трудами А. Мюллеръ находилъ время еще для множества работъ меньшаго объема, работъ, частью стоявшихъ въ тѣснѣйшей связи съ его главнымъ трудомъ, частью вызванныхъ потребностями преподаванія или текущими интересами научной литературы. Къ первой категоріи принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей въ *Ztschr. d. d. morgenl. Ges.*, ко второй—его грамматики арабскаго и турецкаго языковъ и участіе въ составленной Нельдеке хрестоматіи древней арабской поэзіи. Объ арабской грамматикѣ, весьма распространенной и извѣстной далеко за предѣлами Германіи, равно какъ о турецкой, были своевременно помѣщены отзывы въ нашихъ «Запискахъ». Замѣчу только, что преждевременная кончина А. Мюллера лишила насъ плодовъ долготѣльныхъ его изысканій въ области исторіи арабскаго языка. Именно занятіе Ибн-Аби Усейбіей и родственными ему авторами должно было особенно укоренить въ немъ сознаніе въ полной необходимости спеціальнаго изслѣдованія языка разныхъ періодовъ и разныхъ отраслей средневѣковой арабской литературы для выясненія вопроса объ отношеніяхъ его къ языку грамматиковъ-теоретиковъ классическаго періода. Изысканія, направленные въ эту сторону, обѣщали не только богатые результаты для исторіи арабской рѣчи, для арабской исторической грамматики, но должны были имѣть также и весьма важныя практическія послѣдствія при будущихъ изданіяхъ средневѣковыхъ арабскихъ текстовъ извѣстныхъ категорій. Если-бы А. Мюллеру суждено было напр. довести до конца и опубликовать хотя бы только начатыя имъ наблюденія надъ нѣкоторыми несомнѣнными автографами знаменитыхъ арабскихъ ученыхъ, то издатели арабскихъ средневѣковыхъ текстовъ приобрѣли бы просто неоцѣнимое пособіе для рѣшенія, по крайней мѣрѣ приблизительнаго, массы «мучительныхъ» вопросовъ критики текста, которые теперь являются часто воплѣть неразрѣшимыми и ставятъ издателя въ печальную необходимость довольствоваться завѣдомо неудовлетворительнымъ состояніемъ текста.

Но самую широкую популяриность, самое большое право на признательность уже не только арабистовъ, но ориенталистовъ всѣхъ спеціальностей, археологовъ, лингвистовъ, историковъ и филологовъ, сколько нибудь заинтересованныхъ развитіемъ востоковѣдѣнія—а кто нынѣ имъ не заинтересованъ?—приобрѣлъ себѣ А. Мюллеръ предпринятымъ имъ въ 1887, по почину и съ матеріальной поддержкой Германскаго Общества Ориенталистовъ, изданіемъ «*Orientalische Bibliographie*». По истинѣ неоцѣнимыя услуги, которыя это съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшавшееся изданіе оказывало и оказываетъ наукѣ вотъ уже 5 лѣтъ, слишкомъ очевидны для каждаго, чтобы нужно было о нихъ распространяться. Но на одну характерную черту этого изданія, рѣзко выдѣляющую его изъ другихъ подобныхъ библиографическихъ сборниковъ, я долженъ указать: это *систематическая* *) регистрація въ немъ русской литературы по востоковѣдѣнію. Починъ этого благого дѣла принадлежитъ всецѣло А. Мюллеру и его заслуга нисколько не умалется тѣмъ, что исполненіе было ему значительно облегчено дѣятельнымъ сотрудничествомъ К. Г. Залемана. А. Мюллеръ былъ убѣжденъ—и при своемъ свѣтломъ умѣ и широко образованіи долженъ былъ быть убѣжденнымъ—въ неизбежности и неминучести развитія и расширенія научной литературы на разныхъ языкахъ, не вошедшихъ еще, такъ сказать, въ обиходъ западноевропейской образованности, и относился по крайней мѣрѣ къ одной такой литературѣ, т. е. къ русской, съ полнымъ сочувствіемъ, которое онъ доказалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Ему конечно не были совѣмъ чужды и тѣ опасенія, то чувство нѣкотораго, вполнѣ впрочемъ понятнаго, безпокойства, которыя вызываетъ это явленіе въ громадномъ большинствѣ западныхъ ученыхъ, предвидящихъ новое затрудненіе на достаточно уже трудномъ, тяжеломъ и заставленномъ всякими преградами пути паломниковъ науки. Но его глубоко справедливая и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная, бодрая и въ лучшемъ смыслѣ практическая натура не могла успокоиться на бесплодныхъ вздохахъ или примириться съ бессмысленнымъ глумленіемъ: она заставляла его искать выхода, могущаго удовлетворить всѣ стороны, и онъ нашелъ этотъ выходъ въ остроумномъ предложеніи, чтобы всякій ориенталистъ, помимо общеизвѣстныхъ трехъ, четырехъ главныхъ европейскихъ языковъ, изучалъ еще одинъ изъ менѣе извѣстныхъ и затѣмъ отъ времени до времени давалъ по возможности подробный отчетъ объ относящихся къ его специальности трудахъ на данномъ языкѣ. Соединяя слово съ дѣломъ и проповѣдь съ примѣромъ, онъ

*) *Спорадически* это дѣлалось и раньше, хотя бы напр. въ предшествовавшей Мюллеровой библиографіи,—библиографіи J. Klatt'a, приложенной къ *Litteraturblatt f. or. Philol. E. Kuhn'a*.

выбралъ себѣ русскій языкъ, не потому только, какъ онъ самъ говоритъ, что этотъ языкъ былъ ближайшимъ къ нему географически *), но и потому, что «русскіе ученые давно уже показали, что нельзя игнорировать ихъ труды» **). Онъ принялся весьма ревностно за изученіе русскаго языка и очень скоро уже былъ въ состояніи напечатать первый отзывъ и отчетъ свой о русскихъ трудахъ по востоковѣдѣнію. Этотъ отзывъ посвященъ Запискамъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общества, специально первому изъ тому. Постоянно возраставшее количество неотложныхъ и буквально тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ работъ мѣшало ему продолжать эти отчеты, но онъ неоднократно въ письмахъ ко мнѣ выражалъ надежду, что ему когда-нибудь удастся вернуться къ этому дѣлу и довести его до конца, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Запискамъ В. О.

Онъ умеръ 44 лѣтъ, 31 августа 1892 г.

*) Онъ тогда былъ профессоромъ въ Кѣнигсбергѣ.

**) См. его рецензію на первый томъ «Записокъ В. О.» въ Götting. Gel. Anz. отъ 15 Sept. 1889 № 19, стр. 762.

КНИГА ПЕРВАЯ.

АРАБЫ И ИСЛАМЪ.

ГЛАВА I.

До Мухаммеда.

Въ исходѣ пятаго столѣтія по Р. Х., сообразно арабскимъ сказаніямъ, могущественнѣйшимъ человѣкомъ во всей Аравіи считался Кулейбъ, сынъ Рабіи. Онъ былъ главой сильнаго племени Бену Таглибъ, которое занимало тогда, вмѣстѣ съ родственнымъ ему Бену Бекръ, весь сѣверо-востокъ полуострова, отъ сирійской пустыни до высочайшаго края горъ центральной Аравіи. Оба племени, въ соединеніи съ нѣкоторыми сосѣдними, неоднократно, и всегда успѣшно, отражали нападенія мелкихъ правителей южной Аравіи. Передъ славой Кулейба, затмившей геройскіе подвиги всѣхъ остальныхъ, даже Амръ, сынъ Худжра, принужденъ былъ отодвинуться на второй планъ, не взирая на то, что отецъ послѣдняго, не задолго передъ тѣмъ, сдумѣлъ образовать изъ бедуиновъ центральной Аравіи сильную коалицію. Такимъ образомъ родъ Кинда, едва только достигшій гегемоніи, лишился ея опять на нѣкоторое время. Ибо большинство союзныхъ племенъ согласилось подчиниться верховенству Кулейба. Но, попутно съ могуществомъ героя, гласитъ преданіе, росла и его гордость. Самомнѣнію его, казалось, не было предѣловъ. Въ позднѣйшія столѣтія дѣти пустыни не даромъ говорили: «онъ превосходитъ гордостью даже Кулейба Ваіля». Такъ прозывали его, благодаря общимъ предкамъ Бекръ и Таглибъ Жена его Джеліла взята была имъ изъ родственнаго колѣна Бекръ. Всѣ братья ея, со своими ближайшими родственниками, дружили съ Кулейбомъ, и рядомъ съ его палаткой поселился одинъ изъ шуриновъ, Джесъа съ. Пріѣхала разъ въ гости къ послѣдному род-

ная его тетка Бесу́сь. Чуждая обоимъ колѣнамъ (Бекръ и Таглибъ), она могла рассчитывать только на покровительство своего племянника. Вслѣдъ за ней прибылъ вскорѣ землякъ ея, нѣкто Са'дъ и остано- вился на нѣкоторое время тоже у Джессаса. Онъ привелъ съ собою верблюдицу, кличкою Сарáбъ. Находясь подъ кровлей, а стало быть и защитой Джессаса, Са'дъ выпускалъ свою верблюдицу вмѣстѣ съ остальными верблюдами на пастбище, а ходили они вмѣстѣ со ста- домъ Кулейба. Разъ какъ-то Кулейбъ обходилъ ограду выгона. Случайно взоръ его упалъ на жаворонка, сидѣвшаго на яйцахъ. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейбъ былъ тогда въ хорошемъ настроеніи и сказалъ: «Чего боишься, ты и твои яйца находятся подъ моимъ покровительствомъ. Повѣрь никто не по- смѣетъ тебя тронуть». А когда, немного спустя, проходилъ онъ опять тѣмъ же мѣстомъ, замѣтилъ слѣдъ верблюда, ему неизвѣстнаго, яйца же были растоптаны. Вернулся домой сердитый. Когда на другой день, вмѣстѣ съ Джессасомъ, обходилъ онъ пастбище, снова вдругъ увидѣлъ верблюдицу Са'да. Тотчасъ же догадался, что это она раздавила яйца и крикнувъ Джессасу: «Смотри у меня! Я кое-что подозреваю. Если узнаю доподлинно, приму мѣры, чтобы эта верблюдица никогда болѣе не ходила съ моимъ стадомъ».—Сильно не понравилась Джессасу рѣз- кость тона родственника и онъ отвѣтилъ: «Клянусь Создателемъ, она вернется сюда опять какъ было и прежде»... Слово за слово, поднялась ссора. Кулейбъ сталъ грозить, что если онъ опять увидитъ верблюдицу, то пронзитъ ей стрѣлою вымя.—На это отвѣтилъ въ запальчивости Джессасъ: «Попробуй только ранить ее въ вымя, мое копые не замед- лить пробить твой позвоночный столбъ». А самъ, между тѣмъ, по- гналъ верблюдицу прочь. И опять вернулся Кулейбъ мрачнѣе ночи до- мой. Жена его Джелила, родная сестра Джессаса, замѣтила, сразу, что что-то не ладно. Стала его разспрашивать, допытываться. Наконецъ онъ произнесъ мрачно: «Знаешь ли ты такого, кто бы осмѣлился за- щипать любимца своего, наперекоръ мнѣ?» Она отвѣтила, не долго думая: «Едва ли кто на это рѣшится, развѣ вотъ братъ мой Джессасъ». Кулейбъ не пожелалъ дать этому вѣры. Съ его устъ сорвалась ѣдкая эпиграмма по адресу шурина. Насмѣшка его не осталась безъ отвѣта. Съ обѣихъ сторонъ посыпались грубые перекоры. Однажды Кулейбъ вышелъ опять поглядѣть на верблюдовъ. Какъ разъ въ это время вели ихъ на водопой, впереди, конечно, шли Кулейбовы. Сарáбъ, верблю- дица Са'да, находившаяся въ стадѣ Джессаса, рванулась впередъ и бросилась первая къ водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этомъ, что это животное принадлежит чужестранцу. Показалось гордому шейху, что такъ случилось нарочито; все это штуки Джессаса, подумалъ онъ. Схватился за лукъ, натянулъ тетиву, и стрѣла пробо-

дала вымя верблюдицы. Съ крикомъ понеслась она прямо въ стойло, у самой палатки Джессаса. Бесусъ все это видѣла и вознегодовала, горько сѣгую на нанесенный ущербъ собственности ея родственника: «О позоръ! О поношеніе! Гостя моего обидѣли!» голосила она въ надеждѣ, что Джессасъ отомститъ за нанесенную ея гостю обиду. Напрасно старался Джессасъ успокоить ее обѣщаніемъ богатаго вознагражденія. День за днемъ не переставала она преслѣдовать его и насмѣшками и упреками, укоряя, что гость подъ кровлей его не можетъ найти защиты, которую всякій честный человѣкъ обязанъ оказывать даже чужому, принятому въ домъ. Не выдержалъ Джессасъ и разразился проклятіями: «Замолчишь ли ты, наконецъ, женщина! Завтра будетъ убитъ одинъ, и погибель его для Ва'ила (т. е. Бекра и Таглиба) обойдется дороже твоей верблюдицы!» Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейхъ подумалъ было, что дѣло идетъ о его любимцѣ верблюдѣ и порѣшилъ въ умѣ жестоко отомстить, если шуринъ осмѣлится это сдѣлать. Но съ этого момента Джессасъ сталъ подстергать самого Кулейба. Однажды, когда шейхъ вышелъ безъ оружія, онъ бросился вслѣдъ за нимъ и крикнулъ ему: «Берегись, я убью тебя!»—«Иди же впередъ, если ты не лжешь», отвѣчалъ ему хладнокровно Кулейбъ—непомѣрная гордость не позволяла шейху даже обернуться. Джессасъ напалъ на него сзади и всадилъ ему копье въ спину. Противникъ грохнулся на земь, а убійца бросился ѣзжать. Въ это самое время отецъ убійцы, окруженный старѣйшинами колѣна Шейбанъ, племени Бену Бекръ, сидѣлъ возлѣ своей палатки. Увидя стремительно приближавшаго сына, старикъ воскликнулъ: «О Боже, Джессасъ совершилъ, должно быть, что-то ужасное!» Затѣмъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что съ тобой?» Сынъ прошепталъ: «Я убилъ Кулейба». Старецъ горячо запротестовалъ: «Такъ одинъ ты и будешь въ отвѣтъ, я тебя свяжу, чтобы домочадцамъ Кулейба дать возможность убить тебя! И все же—истинно говорю, прибавилъ со вздохомъ старикъ, никогда болѣе Ва'иль (т. е. племени Бекръ и Таглибъ) не соединятся на хорошее дѣло, благодаря предательской смерти Кулейба. Горе намъ, что ты надѣлалъ, Джессасъ! Умертвилъ главу народа, разорвалъ узы единенія, факель раздора бросилъ въ средину племенъ!» Но Джессасъ не уgomонился, онъ продолжалъ хвастаться тѣмъ, что совершилъ. Отецъ связалъ его и повелъ въ палатку. Сюда же позваны были старѣйшины всѣхъ колѣнъ племени Бекръ. Старикъ началъ свою рѣчь такъ: «Дѣлайте что хотите съ Джессасомъ. Онъ убилъ Кулейба. Я его связалъ. Намъ остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщеніе и не потребуютъ выдачи его». Но представители рода не пожелали и слышать о выдачѣ убійцы. Правъ онъ или виноватъ, честь рода требовала защищать его всѣми средствами противъ преслѣдователей. Такъ былъ порванъ тѣсный союзъ родствен-

ныхъ племенъ и началась кровавая бойня. Иногда затихала, заключалось на нѣкоторое время перемиріе, даже образовывались временные союзы, для пораженія общаго врага, но вражда не прекращалась продолжительное время, въ теченіе 40 лѣтъ. Наконецъ обѣ стороны утомились и заключенъ былъ миръ.

Хотя эта «война Бесу́сы», благодаря поводамъ и распространенности ея, вошла, такъ сказать, въ поговорку, но и другая братоубійственная распря между родственными племенами, возникшая нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя (приблизительно около 560 г.), не менѣе замѣчательна. И поводы къ ней представляютъ также характеристическія черты старинныхъ нравовъ Аравіи. Въ то время заселяли центръ полуострова большія группы племенъ, подъ общимъ названіемъ Бену Кайсъ. Между ними самымъ выдающимся было поколѣніе Бену Гатафъанъ. Въ свою очередь Бену Абсъ и Бену Зубъанъ, подраздѣленія племени Гатафъанъ, пользовались наибольшимъ почетомъ. Благодаря общему происхожденію, оба они жили въ тѣсномъ единеніи. Старѣйшиной у Абсъ былъ Кайсъ, сынъ Зухейра. Обладалъ онъ знаменитымъ скакуномъ, носившимъ названіе Дѣхисъ. Разъ какъ-то одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ посѣтилъ старѣйшину племени Зубъанъ. Ему показывали многихъ лошадей и стали, въ присутствіи его, чрезмѣрно восхвалять превосходныя качества кобылицы Габрѣ. Гость сталъ доказывать, что не сравнятся ей съ Дѣхисъ. Возникли горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что побились обѣ закладъ, которое изъ обохъ животныхъ обгонитъ другого. Рѣшено было выставить съ обѣихъ сторонъ закладъ по десяти верблюдовъ. Побѣдившей сторонѣ назначался въ награду этотъ призъ. Не особенно понравилось Кайсу, когда ему передали о случившемся. Онъ предчувствовалъ, что хорошаго не много выйдетъ изъ спора. Зналъ онъ прекрасно, что за народъ Зубъаниты. Старѣйшины этого племени славились насиліемъ и несправедливостью. Боясь, однако, чтобы не вышло какого несчастія, отправился самъ на мѣсто стоянки сосѣдей, съ твердымъ намѣреніемъ отступить отъ пари. Но владѣлецъ Габры, нѣкто Хузейфа и его братъ Хамаль, оба старѣйшины, люди сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, наотрѣзъ отказали ему. Они стали доказывать, что если шейхъ не желаетъ пустить свою лошадь на переголки, этимъ самымъ онъ сознается, что долженъ проиграть, стало быть, обязанъ выдать десять верблюдовъ. Эти безумныя рѣчи окончательно взорвали Кайса.—«Нѣтъ, никогда я и не думалъ, что могу проиграть,» заговорилъ онъ. «Но, по моему, ежели ужъ биться обѣ закладъ, такъ по крайней мѣрѣ на порядочное пари».—Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ порѣшили на сотнѣ верблюдовъ. Дистанціей назначили сто полетовъ стрѣлы (около 3-хъ миль). Кайсъ и Хузей-

фа, каждый изъ нихъ, передалъ на руки избраннаго ими сообща третьяго лица по сотнѣ верблюдовъ. Двое сутокъ не поили (обѣихъ) лошадей. Вырыли яму возлѣ цѣли, куда должны были добѣжать скакуны и наполнили ее водою. Та изъ лошадей, которая первая утолитъ свою жажду изъ водою, такъ согласились обѣ стороны, будетъ считаться побѣдившей. Въ заранѣ опредѣленный день, большія толпы зрителей изъ обоихъ племенъ собрались на мѣсто ристалища. Гораздо болѣе, разумѣется, было Зубьянитовъ, такъ какъ мѣсто состязанія назначили на ихъ территоріи. По данному знаку пустили лошадей одновременно. Обѣ, сразу, ринулись съ быстротой вѣтра, такъ что Кайсъ и Хузейфа, слѣдовавшіе верхами за ними, вдоль ристалища, не успѣвали за скакунами и, чѣмъ далѣе, все болѣе и болѣе теряли ихъ изъ виду. Вначалѣ, пока Габра ѡбжала по заранѣ утрамбованному Хузейфомъ, нарочито для своей лошади, пути, она шла нѣсколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла въ песчаную, Дѣхисъ сталъ замѣтно выказывать большую рѣзвость и выдвинулся на значительное разстояніе впередъ. Давно уже обѣ лошади скрылись изъ глазъ своихъ владѣльцевъ. Приближались онѣ уже къ цѣли, Дѣхисъ далеко впереди, какъ вдругъ изъ подготовленной коварнымъ Хамалемъ засады, выскочила парочка Зубьянитовъ. Сильными ударами по ноздрямъ, заставляютъ они спархнуться лошадь въ сторону и даютъ этимъ полную возможность прибѣжать Габра первой къ водою. Но въ числѣ зрителей нашлись такіе, которые присутствовали при этой недостойной сценѣ и, когда нѣсколько спустя, подѣхали Кайсъ рядомъ съ Хузейфомъ, потерпѣвшему тотчасъ же передано было, какимъ образомъ помѣшали его скакуну одержать неоспоримую побѣду. Онъ счумѣлъ, однако, подавить свой гнѣвъ— Абсовъ было немного—и обратился, повидимому, хладнокровно къ Хузейфу и Хамалю съ слѣдующею рѣчью: «Дѣти Багида,—такъ звали общаго прародителя обоихъ племенъ,—несправедливость ужаснѣйшее зло между братьями. Совѣтую вамъ, возвратите намъ то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же, по крайней мѣрѣ, ту часть верблюдовъ, которая намъ принадлежитъ.—Никогда этого не будетъ.—По крайней мѣрѣ дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнившихъ водою водою.—Одного или сотню—это все равно. Этимъ самымъ мы признаемъ васъ за побѣдителей. А этого отъ насъ не дождетесь. Мы не считаемъ себя побѣжденными».—Напрасно пробовалъ одинъ изъ среды Зубьянитовъ, благомыслящій челоѣкъ, устранить угрожавшій разрывъ предложеніемъ взаимныхъ уступокъ. Всѣ его старанія не привели ни къ чему. Кайсъ удалился со своими, глубоко убѣжденный въ томъ, что его самымъ постыднымъ образомъ провели. Пылая местию къ обманувшимъ его,

умерщвляетъ онъ, пользуясь первымъ благопріятнымъ случаемъ, одного изъ братьевъ Хузейфа. Возгорается тотчасъ же братоубійственная война между обоими племенами. И ей арабскіе разсказчики отводятъ періодъ въ сорокъ лѣтъ. Издавна на Востокъ число 40 неизмѣнно фигурируетъ въ лѣтописяхъ. Не велика важность, разсуждаютъ мѣстные лѣтописцы, продолжалось ли событіе лѣтъ на десять болѣе или менѣе. Въ нескончаемой рѣзнѣ падаетъ подъ рукой самого Кайса, одинъ за другимъ, двое изъ братьевъ Хузейфа и самъ Хамаль, но пали многіе и изъ числа знатнѣйшихъ племени Абсъ. Наконецъ обѣ стороны истомлены продолжительной враждой, а рои тѣней убитыхъ не даютъ имъ все покоя. Кровь смывается у арабовъ одною кровью и неумолимый законъ пустыни гласитъ: око за око, зубъ за зубъ. Среди племени Зубьянъ отыскались, однако, двое мужей возвышеннаго сердца—Хáрисъ Ибнъ *) Ауфъ и Хáримъ Ибнъ Синанъ, рѣшившіеся добиться, во что бы ни стало, примиренія родственныхъ племенъ съ помощью великой личной жертвы. Они занялись подсчетомъ павшихъ съ обѣихъ сторонъ и пришли къ заключенію, что остается извѣстное число, кровь которыхъ еще не отомщена. Дѣло въ томъ, что кодексъ чести у арабовъ допускаетъ, во всякомъ случаѣ, выкупъ крови убіійцъ въ пользу родственниковъ и домочадцевъ убитаго. Конечно, въ рѣдкихъ весьма случаяхъ и неохотно, соглашаются дѣти пустыни на подобную сдѣлку. Но теперь всѣ ощущали потребность помириться и каждый охотно согласился на предложеніе вышепоименованныхъ лицъ—уплатить, по соглашенію, извѣстную сумму родственникамъ, въ формѣ соответствующаго числа верблюжьихъ головъ (о золотѣ и серебрѣ имѣютъ весьма слабое понятіе въ пустынѣ). 3000

*) Т. е. сынъ Ауфа. У арабовъ не въ обычаѣ фамиліи, а число существующихъ собственныхъ именъ крайне ограничено. Поэтому вошло во всеобщее употребленіе отличать каждого особыми приставками. Такъ напр., говоря о комъ либо, прибавляютъ—сынъ (Ibn) такого-то, или отецъ (Abu) того-то, либо изъ племени N, или города A. Въ позднѣйшую эпоху появляются обыкновенно еще и прозвища, чаще всего въ соединеніи съ dîn (религія). Такъ напр. *Саладдинъ* (болѣе точно Salâh-ud-dîn „чистота религіи“) и т. п. Такимъ образомъ, по старинному говорили такъ: Abu'l-kâssim Mohâmmed Ibn Abdallah El-Hâchimi, что, собственно, значитъ „Отецъ Аль Касима, Мухаммедъ, сынъ Абудиллы, изъ рода Хашимъ. Нерѣдко, для болѣе точнаго индивидуализированія присоединяютъ особыя характерныя прозвища, обовначающія либо родъ ремесла (напр. El-Narîrî „торговецъ шелкомъ“, Et—Tachân „мельникъ“), либо тѣлесную примѣту (Ed—Darîr „слѣпой“, El—A'aradsch „хромой“, ср. у римлянъ Cicero, Nasica). По большей части одно только изъ всѣхъ этихъ именъ принадлежитъ, собственно, лицу, о которомъ говорится.—Встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ именахъ el, а передъ гласными 'l, есть арабскій членъ. Передъ согласными d, n, r, t, s, z, онъ ассимилируется со звукомъ слѣдующей согласной, напр. Ed—Darîr.